

ЛОКАЛЬНЫЕ ПРОТЕСТЫ И ЗАДЕРЖАНИЯ

В воскресенье в Минске за нарушение законодательства о массовых мероприятиях задержано более 200 человек.

В их отношении проводится проверка. Об этом сообщает пресс-служба ГУВД Мингорисполкома.

По всему городу собрались группы и колонны протестующих. Участники протестов требовали отставки Лукашенко и проведения новых честных выборов, освобождения политзаключенных, а также ответственности за избиения мирных демонстрантов и пытки над ними.

По данным минской милиции, с 12.00 до 13.00 в различных районах столицы собирались группы граждан, которые планировали

в последующем направиться в центр города. Обозначив себя незарегистрированной символикой и плакатами, содержащими различные призывы, группы граждан выходили на проезжую часть в районе Каменная Горка, на ул. Калиновского, ул. Голубева и в других местах, блокируя при этом движение участников дорожного движения и общественного транспорта. В целях безопасности граждан и участников дорожного движе-

ния сотрудники милиции вытеснили собравшихся граждан с проезжей части, говорится в пресс-релизе.

По данным незарегистрированного в Беларуси правозащитного центра «Весна», число задержанных участников акций протеста превысило 300. По данным правозащитников, почти все они были задержаны в Минске, лишь несколько человек в Гродно, Бресте, Пинске, Боровлянах, Заславле, Новополоцке и Ляховичах.

В Брюсселе, Вашингтоне и Москве сходятся в оценках статуса Лукашенко

«Действия белорусских властей стремительно превращают Беларусь в общеевропейскую проблему, решение которой предполагает скоординированные действия между Западом и Россией», — пишет директор Центра стратегических и внешнеполитических исследований Арсений Сивицкий.

Если западные страны отвечают за международную изоляцию и экономические санкции, то задача России — оказать политическое, а если нужно — и силовое давление на Александра Лукашенко.

Проблема приобретает такой масштаб, что даже формальный стратегический союзник (Кремль) вынужден комментировать белорусский вопрос в еженедельном режиме, напоминая Минску о недопустимости эскалации ситуации до «гражданской войны» и об обязательствах по запуску конституционной реформы.

Официальный Минск ожидаемо отвечает на эти напоминания ещё большей эскалацией беспорядочного и непропорционального насилия, в том числе — с летальными исходами.

В этих условиях Кремль вынужден начать переоценку геополитических рисков, связанных с поддержкой «токсичного» актива, так как дальнейшее расширение санкций ЕС и США приведёт к удару по российским экономическим интересам.

В то время, когда Москва готовится к большой кадровой ротации, возможному транзиту власти и новой «перезагрузке» с США в 2021-2022 годах, попадание под «драконовские санкции» из-за Беларуси явно не входит в её планы.

«В целом, и в Брюсселе, и в Вашингтоне, и в Москве сходятся в оценках того, что Лукашенко окончательно утратил статус договороспособного политика на международной арене, его легитимность внутри страны безвозвратно подорвана, а действия его администрации фактически ежедневно дают дополнительные основания для подтверждения данного «токсичного» статуса и введения новых санкций», — уверен политолог.

НЕВЫПОЛНИМАЯ ЗАДАЧА?

Лукашенко не вступает в диалог, а имитирует его. Почему? Должны ведь быть какие-то причины?

Генералы произносят какую-то ерунду вроде «спича о боевых рогатках», а затем ещё большую ерунду произносит человек, которому они подчиняются.

Во власти идет непонятная со стороны ротация кадров, но от этого действия самой власти не становятся более внятными и осмысленными. Напротив: все больше совершаются шаги, которые приводят к результатам прямо противоположным тому, на что рассчитывали лица, отдававшие приказ.

Почему? Что срывает не так?

Страх перед прошлым

Александр Лукашенко и его окружение воспитаны на учебниках истории, концепция которых не менялась со времен Сталина. Тогда, как мы помним, любые перемены, происходящие по инициативе «не власти»,

объявлялись результатами революции (если она победила — как было в 1917 году), либо внутреннего извне заговора (вспомним, как траговались любые политические отклонения от генеральной линии партии).

Именно поэтому в их сознании существует простая схема. Согласно ей должен существовать некий источник заговора. Штаб «цветной революции». «Координационный центр» протестов. Должна существовать группа лидеров, которые все планируют, разрабатывают, канализируют средства. Все это можно обнаружить. Раскрыть. Ликвидировать или перевербовать. Подкупить или запугать.

И если этого не сделано до сих пор, значит, спецслужбы плохо работают. Очень плохо.

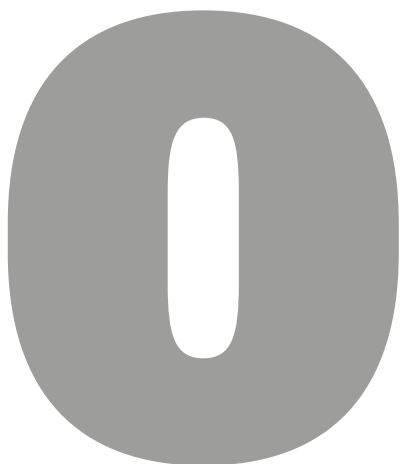
Но как работают спецслужбы?

Генерал отдает приказ полковникам. Полковники транслируют его майорам. Майоры напрягают агентуру. Другого механизма не предусмотрено.

Приказ предполагает безусловное подчинение и исполнение. Нет центра заговора? Найдите. Нет лидера? Придумайте. И вот центр заговора ищут, а лидера — придумывают.

ОКОНЧАНИЕ НА 7-Й СТР.

ФИЛОСОФСКАЯ ОШИБКА

они думают не так, как мы, вовсе не потому, что в детстве не читали правильных книг. А потому, что абстрактный человек от них далеко, а государство близко, дает зарплату, льготные кредиты. Вы заметили, как из обихода протестующих давно исчезла кричалка «Милиция с народом?» Исчезли иллюзии – под ударами дубинок и фотографиями избитых до полусмерти задержанных.

Философская ошибка многих из нас, гуманных и рациональных людей, была в том, что мы всё время пытались увидеть, найти человеческое в людях-балаклавах. Всмотрива-

лись в прорези для глаз, искали там нотки сомнений, проявления жалости и человеколюбия. Мы придавали им те же человеческие качества, которые имеем сами и хотим видеть в других людях, – сострадание, стремление к истине, свободе, совести, желание помочь людям.

Но «там» этого нет, нет в принципе.

За последние 26 лет правоохранительные органы в Беларуси стали системой подавления и устрашения, а не защиты прав граждан. Сотрудников там приучают лгать, бить других, выгораживать себя... У них это уже инстинктивно – даже если нет приказа, даже если врать нет никакого практического смысла. Просто на автомате. Если омоновец скажет правду в суде, его, видимо, просто вырвет на месте. Учтите и фактор идеологической накачки. Но самое главное – тотальная безнаказанность. За эти годы ни одного наказания человека в погонах за применение силы против задержанных.

Мне кажется, белорусское общество недооценивало те страшные процессы, которые происходят в силовых структурах при авторитарной власти. Кричали правозащитники и оппозиционеры, но большинство их особо не слушало, поскольку не встречалось с этим в жизни.

Будем честными – дети академиков, писателей и инженеров не идут работать в милицию. Школьники – победители математических олимпиад, творческих конкурсов и ИТ-разработок тоже не идут в ОМОН.

Они понимают, что отличаются от большинства «нормальных» людей и не хотят с этим мириться. Однако они не пытаются сами стать выше. Идти навстречу всегда трудно, катиться вниз всегда проще. Они хотят унижить в своих глазах остальных людей, опустить до уровня своего понимания правил жизни. Поэтому и спрашивают на Окрестина у всех задержанных: «Сколько вам заплатили?» Они не способны допустить мысли, что есть люди, которые делают что-то по доброй воле, за совесть – это не вписывается в их картину мира.

А ещё добрые люди, которые не имеют моральных сил понять, «как такое может происходить», иногда склонны объяснить зверские действия балаклавов тем, что те «чего-то не знают». Мол, их отключили от правдивой информации.

Все они знают.

Они ежедневно убеждаются, что подавляющее большинство белорусов против власти. Айтишники против, врачи против, студенты, пенсионеры, рабочие... Когда они «работают» на акциях, видят десятки тысяч участников. Когда они сидят в автозаках на проходных заводов, видят, что рабочие против...

И все равно они делают свое.

Знаете, есть люди, которые идейно убеждены, что диктатура лучше демократии. Не потому, что они что-то не знают о демократии или им «не рассказали всю правду». Просто диктатура лучше подходит к их ментальному, психологическому состоянию, либо просто потому, что им при ней хорошо живется. Есть люди, которые считают, что ради интересов государства правами и даже жизнью человека можно пожертвовать. Потому что абстрактный человек от них далеко, а государство близко, дает зарплату, льготные кредиты.

А ещё добрые люди склонны говорить, что «не все там такие, есть и нормальные».

Я объясню, каких людей «там» можно назвать нормальными.

Те, кто жестоко избивает беззащитных задержанных, – ненормальные, все согласятся.

Но те, кто сам не бил, а просто смотрел, как их «коллеги» жестоко избивали людей, – они тоже «ненормальные».

Ведь «нормальный», порядочный страж закона, увидев, что совершается преступление, должен это пресечь. Либо сразу на месте происшествия, либо позже написать рапорт о нарушениях, предоставить информацию в прокуратуру или следственный комитет.

Когда я часами лежал в положении эмбриона (на коленях, головой к земле) во дворе на Окрестина, то, оглядываясь назад, наблюдал за «нормальной» жизнью сотрудников. Молодые девочки в форме ходили туда-сюда, офицеры отдавали распоряжения. Никому из них не приходило в голову, что с задержанными обходятся незаконно. Хотя один раз мы привлекли внимание одного подполковника. «Почему этот разлётся?» – «Больной, разрешил ему размять ноги на 30 секунд», – ответил охранник и приказал задержанному вернуться в мучительную позу.

Представьте, офицер с большими погонами занимается своими важными делами, но не может пройти мимо того, что кто-то размял ноги и, не дай Боже, получил облегчение. Кому-то не больно, кто-то недостаточно мучается. Этого душа белорусского силовика не смогла вынести...

**ВИТАЛИЙ
ЦЫГАНКОВ**

Н е раз слышал обидную для противников власти фразу: болтать — не мешки с песком таскать. Да, иные оппозиционеры о реальной жизни имеют представление лишь из семинаров да интернета... Но о Викторе Корнеевском этого не скажешь. В 1989-1991 годах был депутатом Верховного Совета СССР, в 1991-1994 годах — первым зампреда Гомельского горсовета.

НЕ СОГЛАШАТЬСЯ НА МИНИ-УСТУПКИ!

— В последнее время в окружении Тихановской появились некоторые представители «старой оппозиции» — это нормально?

— Я критически оцениваю подготовку и участие в прошедшей кампании той самой титульной оппозиции. И те, кто призвал к бойкоту, и те, кто отнесся к кампании как к очередному дежурному мероприятию, не сумели правильно оценить ситуацию, состояние общества и оказались в политическом тупике.

Но свято место пусто не бывает: пришли новые люди. Они оказались в нужное время в нужном месте. Прежде всего следует отметить высокую технологичность и креативность их команд. После прогнозируемого отказа в регистрации претендентов, в отличие от старой оппозиции, неопыты повели себя разумно и выступили единым целым. Успех этой стратегии очевиден.

А то, что сейчас к ним подтянулись опытные политики, оцениваю положительно. Я и сам участвую в работе общественной конституционной комиссии. Полагаю, наши наработки понадобятся, когда в страну вернется законность.

— Что вы думаете об ультиматуме Тихановской?

— Следует принимать во внимание то обстоятельство, что от

нее многие требовали более решительных действий. Возможно, это повлияло на решение об ультиматуме. Как минимум, он заставил многих задуматься о происходящем со всей серьезностью. Пусть предприятия и не остановились, но известна ситуация с Гродно-Азотом, заявления о присоединении к стачке рабочих других предприятий, принципиальная позиция ряда творческих коллективов, учебных заведений, профессиональных сообществ. Режим вынужден реагировать на происходящее поиском штрейкбрехеров, попытками сбить студенческий протест при помощи пропагандистов и чиновников, что, как мне представляется, только подливает масла в огонь.

Так что ультиматум оцениваю скорее положительно, нежели отрицательно.

— А если все грядущие экономические проблемы власть свалит именно на него?

— В этом нет ничего удивительного. Авторитарный правитель всегда искал виноватых во всех своих ошибках и просчетах. И раньше ему не очень удавалось переключать проблемы с больной головы на здоровую, а сегодня, с минимальным рейтингом поддержки, шансов навесить людям «лапшу на уши» еще меньше.

— Некоторые полагают, что создание Павлом Латушко НАУ ведет к расколу в оппозиционной среде...

— Не согласен, полагаю, это согласованное в рамках единой команды решение. Павел Латушко один из немногих в оппозиции, кто имеет немалый опыт руководящей работы на общегосударственном уровне. Компетенция Координационного совета — переговоры, а НАУ — это что-то вроде временного правительства до избрания нового, легитимного. Здесь, скорее, формирование кадрового резерва для управления страной в будущем.

— Возможен ли диалог с властью в принципе?

— Диалог возможен и желателен, но только после выполнения режимом ряда предварительных условий. А именно, освобождение всех политзаключенных и немедленное прекращение террора против протестующих граждан, начала расследования по фактам убийств и насилия, признания результатов выборов недействительными. Даже под угрозой затухания протестов нельзя соглашаться на незначительные уступки.

С моей точки зрения, предметом переговоров могут быть сроки и порядок проведения новых выборов, структура управления страной в переходный период.

АЛЕКСАНДР
ТОМКОВИЧ

Алексиевич: КС распущен? Это ерунда!

Верно ли, что Координационный совет белорусской оппозиции больше не действует, создан новый совет, имена членов которого держатся в тайне для их защиты?

Со ссылкой на Светлану Алексиевич, которая является членом Президиума Координационного совета, об этом

написало немецкое издание Spiegel.

«Координационный совет оппозиции больше нет. Его члены либо были, или находятся в тюрьме, были изгнаны из страны или убежали. Создан новый совет, имена его членов держатся в секрете для их безопасности», — цитируют Алексиевич.

Алексиевич опровергла

фейк через Радио Свобода.

«Это ерунда, это совсем не так, — сказала Алексиевич. — Много новых людей записывается в Координационный совет, есть там руководящий орган. Все наше движение продолжает работу. И там появились новые люди, как Багрецов. И другие люди туда входят, но их имена не озвучиваются».

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МАРКЕТИНГ:

МЕЖДУ ОБОЛЬЩЕНИЕМ И ЗАПУГИВАНИЕМ

Этап стабильности по кладбищенскому образцу в Беларуси завершен

СЕРГЕЙ
НИКОЛЮК

ПОЛИТ-
ЛИКБЕЗ

Так называемое Союзное государство возникло не на пустом месте. Последний раз более чем двукратное превосходство сторонников «единого народа» над противниками было зафиксировано в марте 2016 г. (НИСЭПИ, табл. 1).

Таблица 1. Белорусы, русские и украинцы – это разные народы или три ветви одного народа?

Вариант ответа	%
Три ветви одного народа	66
Разные народы	29
30/НО	5

Авторитарные политические режимы, сформировавшиеся на постсоветском пространстве, опираются на носителей советской идентичности, т.е. на людей преимущественно пожилых и малообразованных.

Снова немного социологии от НИСЭПИ. В июне 2016 г. белорусское государство считали своим 70% белорусов с начальным образованием и только 22% с высшим. Аналогичным образом уровень образования разводил респондентов при ответе на вопрос «Как Вы считаете, то, что в руках А. Лукашенко сосредоточено сейчас практически вся власть в стране, идет на благо Беларуси или не дает стране ничего хорошего?»

В государстве для народа пирамида ценностей оказалась перевернутой, и образование перестало играть роль социального лифта. Скорее, наоборот, сегодня оно способ-

ствует маргинализации. Беларусь – страна непуганых криминально-мафиозных структур, чиновников и людей со связями, что и подтвердил Институт социологии НАН РБ в 2013 г. (табл. 2).

Таблица 2. Кто сегодня преуспевает в белорусском обществе?

Вариант ответа	%
Криминально-мафиозные структуры	74
Тот, кто занимает высокую должность, находится у власти	61
Человек со связями	45
Предприимчивый, деловой	30
Высококвалифицированный, талантливый	7
Трудолюбивый	5

«Вопрос не во мне»

Массовые протесты, за которыми с умлением наблюдает мир, – попытка образованных горожан «людьми зваться».

В этом плане интересен процесс превышения численности городского населения над сельским и превышение доли занятых в сфере услуг над долей занятых в промышленности. В 2019 г. соответствующие показатели составили 23,7% и 61,2%.

А теперь обратимся к структуре ВВП по видам экономической деятельности. В 2019 г. вклад обрабатывающей промышленности в главный экономический показатель составил 21,3%, в то время как сферы услуг – 48,8%.

При такой статистике нет ничего удивительного в том, что в протестном движении рабочий класс оказался на вторых ролях. Маркс может спать спокойно.

Что в такой реальности остается делать главному архитектору белорусской модели? Не являясь специалистом в области маркетинга, он, тем не менее, активно использует две базовые маркетинговые стратегии – оболщание и запугивание.

Чтобы понять суть первого – включите любую кнопку национального телевидения, откройте любую республиканскую, областную, районную газету: страна цветет!

С запугиванием не все так однозначно. С учетом деления общества на социально чуждых и социально близких у власти для каждой части ОБТщества выработан свой арсенал средств: для первых – дубинки, административные аресты, штрафы, увольнения; для вторых – вербальные страшилки. Главные образцы, естественно, создает он сам.

Открываю пресс-релиз от 20 октября: «Вопрос не во мне. Вопрос в вас: что будет с вами без меня. Может быть, я уж слишком свою роль тут переоцениваю, но я всегда смотрю вот на ветеранов вчерашних (митинг с участием ветеранов силовых структур – Прим.), на вас. Вам жить в этой стране. А что будет? Вы что думаете, они нас/вас пожалеют? Да порвут на куски».

У каждого свой шаг новизны

Что будет без него? Одни спят и видят, когда же этот счастливый день наступит. Что может быть прекрасней, чем Беларусь без него? Вот тогда заживем!..

Перед нами типичный пример основного заблуждения массового сознания, ожидающего от первого лица (начальника) разрешения всех проблем. Когда же конкретное лицо надежд не оправдывает, то возникает спрос на новенького.

Так, весной прошлого года Владимира Зеленского поддерживало более 70% граждан, в сентябре текущего – 22%. Это близко к минимуму его несменяемого коллеги за четверть века работы НИСЭПИ (20,5% в июне 2011 г.).

Но, как и положено в расколоте общества, то что у одних служит поводом для надежды, у других вызывает тревогу. При этом недовольными текущей ситуацией могут быть все. Все дело в том, что у каждого белоруса свой шаг новизны, определяющий величину допустимых новшеств. Его превышение выводит человека из комфортного состояния.

Тем не менее, сам факт противодействия частей расколотого общества есть признак жизни. Следовательно, этап стабильности по кладбищенскому образцу в Беларуси завершен.

ПОЧЕМУ РЕЖИМ СПЕШИТ ПОДАВИТЬ ПРОТЕСТЫ

А

ресты тысяч людей за последние недели, отключение водоснабжения от мятежного жилого комплекса «Новая Боровая», привлечение сотен граждан в качестве подозреваемых по уголовному делу о массовых беспорядках, патрулирование дворов и перестановки внутри МВД, с моей точки зрения, — часть процесса, который официально именуется конституционной реформой в Беларуси. И напрямую отношения к сохранению власти А. Лукашенко не имеет.

АНДРЕЙ ПОРОТНИКОВ

ЭКСПЕРТ

Москве пришлось серьезно задуматься над будущим Беларуси после Лукашенко, но в зоне своего влияния. Формат политической трансформации был предложен самим белорусским правителем в виде той самой конституционной реформы. За это в Кремле и уцепились: за последние три месяца высказывания российских топ-чиновников относительно конституционной реформы в Беларуси звучали едва ли не чаще, чем от их белорусских коллег. И были куда как конкретнее: временами создавалось такое ощущение, что конституцию для Беларуси пишут в Кремле, а не в Минске.

Вряд ли у Москвы есть долговременная стратегия для Беларуси. Но есть потребность иметь в лице белорусской власти партнера, который:

- был бы понятен и предсказуем;
- не вызывал бы неприятия белорусского общества;

— признавался бы легитимным в качестве главы государства международным сообществом;

— был бы крайне заинтересован в поддержке Москвы, так как находился бы под постоянным внутривнутриполитическим давлением.

А для этого следовало бы:

— демонтировать суперпрезидентскую систему правления в Беларуси, создать несколько конкурирующих между собой центров властного влияния (как минимум парламент, президент и правительство), ни

один из которых не обладал бы потенциалом навязать свою волю остальным;

— снять вопрос с легитимностью внутри- и внешнеполитической через выборы всех ветвей власти и их фактическое переформатирование.

Все это можно сделать в рамках конституционной реформы. Но само проведение такой реформы также нуждается в ряде условий:

- не должно быть массовой оппозиции новой конституции;
- должно быть международное признание конституционной реформы.

Пока продолжаются массовые протесты и ряд знаковых для протеста фигур находится в статусе политзаключенных, это невозможно. 10 октября состоялась встреча А. Лукашенко с некоторыми своими оппонентами в СИЗО КГБ. По моему убеждению, основной целью был зондаж возможности включения наиболее авторитетных из них в конституционную реформу в качестве пассивного меньшинства. Говоря проще, их готовности «торговать лицом», а не реально участвовать в политическом процессе. В случае успеха режим рассчитывал таким образом решить сразу две проблемы: и с политзаключенными, и с протестами. Но никто из авторитетных арестантов колаборантом не стал, протесты продолжились.

Просто выпустить знаковых политзаключенных власти не могут, так как это будет воспринято в качестве победы протеста,

может спровоцировать дестабилизацию госаппарата. И активизирует недовольных.

Но помимо политических ограничений, есть и фактор времени.

Во-первых, это экономический кризис, который еще более подогреет общественное недовольство. Необходимо решить политические вопросы до того, как их усугубят экономические проблемы. Чтобы не попасть в ситуацию идеального шторма, когда встречаются все неблагоприятные факторы сразу.

Во-вторых, спешит Кремль. Есть внутри-российский политический календарь. Раствут и ширятся слухи, что Владимир Путин по состоянию здоровья все менее способен контролировать ситуацию в стране. И стоит вопрос о его приемнике. Поэтому надо решить вопрос в Беларуси, чтобы потом на него не отвлекаться от более важных для российской правящей элиты дел.

В-третьих, приход к власти в Вашингтоне демократической администрации может стать началом крестового похода за демократию во всем мире. В том числе и на постсоветском пространстве.

Значит, необходимо закрыть вопрос трансформации системы власти в Беларуси, обеспечить её легитимность и рукоподаваемость на международном уровне и до начала острой фазы экономического кризиса, и до вероятных событий в Кремле, и до того, как администрация Д. Байдена заработает в полную силу.

А пока в Минске ждут главу российского МИДа Сергея Лаврова. Подозреваю, скорость и содержание конституционной реформы в Беларуси будут в центре переговоров в ходе визита.

«Конституцию ломать не надо», — заявил на днях Александр Лукашенко. Значит, конец дискуссиям вокруг нее?

Депутат Олег Гайдукевич уверен: все наоборот - работа набирает обороты, по всей стране обсуждают реальные, а не косметические изменения Конституции.

— Что касается слов Лукашенко, как я это понял, речь шла о том, что у нас чиновники вообще не умеют принимать решения без команды президента. Лукашенко таким образом просто призвал чиновников брать ответственность на себя.

Свой взгляд у политиче-

ского обозревателя Артема Шрайбмана:

— Лукашенко сам говорит, что он не будет делать никаких реформ, пока не сможет успокоить ситуацию, а произойдет ли это вообще, мы не знаем. Поэтому гадания сейчас во многом пусты, все может сто раз измениться. Но в целом все заявления Лукашенко в принципе о том, что Конституцию полностью перекраивать по формату 1994 года он не будет, от президента, как фигуры, он не откажется, на парламентскую республику не пойдет, и поэтому говорит, что ломать Конституцию не надо.

ЕВРОПА И ЕЁ НОВЫЕ ВАРВАРЫ

ОБ ЭТИЧЕСКОМ
АНТАГОНИЗМЕ В
БЕЛАРУССКОМ
ОБЩЕСТВЕ.

Завхват и разрушение поминального мемориала на Площади Перемен со всей наглядностью показали, что белорусский политический конфликт разворачивается на до-политическом уровне -- вне рамок цивилизованного политического поля.

Особенность текущего политического кризиса в Беларуси состоит в том, что для дискуссий просто нет места, сама эта опция исключена. **Мы являемся свидетелями и участниками столкновения двух форм жизни**, каждая из которых отстаивает свой этос, то есть своё представление о том, как должна быть устроена совместная жизнь, свою систему нормальности. Более 3 месяцев противостояния говорят о том, что эти две формы жизни несовместимы. **Они исключают друг друга на уровне базовых этических принципов, лежащих в основе каждой из них.**

На заре европейской культуры, у древнегреческих философов, слова этика и политика стали опорными для определения того, как устроена жизнь человеческого сообщества, самой способности людей жить друг с другом. При этом политика с необходимостью опиралась на этику.

Политическая жизнь -- это когда граждане вместе определяют порядок управления государством, и основывается она на этических добродетелях, усвоенных человеком в своем сообществе. У Аристотеля есть еще одно, не менее известное, определение человека как существа, **наделенного способностью к разумной речи. Какой бы острой ни была полемика, она остается продуктивной до тех пор, пока оппоненты следуют этическим правилам своего сообщества, придерживаются этических добродетелей.**

Татьяна
Щитова,
доктор
философских
наук,
профессор

Э

тот этос демократической жизни всегда оставался путеводной нитью для развития европейских обществ. Нужно снова и снова подчеркивать тот факт, что в основе Белорусской революции лежит моральная травма, что массовый протест был вызван чудовищным незаконным насилием. Он вырос из общего, разделяемого всеми нами, чувства, что так жить нельзя. Ядром политического кризиса в Беларуси стал этический антагонизм, который в ходе трёх месяцев протеста оретал всё более отчетливые черты.

Поэтому Белорусская революция -- это прежде всего этическая революция: она разворачивается как противостояние форме жизни, опирающейся на презумпцию насилия. Отстаиваемый нами этос -- это, в основе своей, европейский этос. Белорусское гражданское общество борется за то, чтобы наша политическая жизнь основывалась на базовых гуманистических ценностях (ценности человеческой жизни, человеческого достоинства) и на принципе справедливости, который прямо вытекает из уважительно-го отношения друг к другу.

Демократия и диктатура -- не только политические системы, это прежде всего формы жизни -- формы отношения к людям, взаимодействия и т.д.

Настоящая демократическая жизнь, развернувшаяся сегодня в дворовых сообществах, -- лучший пример жизнестойкости нашего этоса, строящегося на дружеской взаимоподдержке и горизонтальном («на равных») общении.

Диктатура строится на диктате, исключаям отношение к другому как к равному. Насилие встроено в эту систему именно как презумпция -- то есть как не обсуждаемое условие возможности её осуществления. Главная добродетель

здесь -- бездумное послушание. Включаться в эту систему по доброй воле значит принимать презумпцию насилия и не уметь видеть ни в других, ни в себе человеческого достоинства.

Поэтому в Беларуси сейчас не просто оккупационный режим, -- это режим в буквальном смысле варварский.

У "них" и у нас совсем разный common sense. Для "них" все наши ценности -- пустой звук, а попрание наших святынь -- базовый инстинкт, потому что именно таким образом "они" отстаивают свою форму жизни. Следуя этому инстинкту, 15 ноября черное полчище заполнило площадку вокруг мемориала в память о Романе Бондаренко.

Таким образом, политический кризис в нашей стране разворачивается в плоскости вопроса о связи между этикой и политикой, обнаруживая глубинные расхождения в базовых представлениях о том «что такое хорошо, и что такое плохо» у представителей власти и образованных граждан. Наш этический антагонизм выразительнее всего проявляется в асимметричном характере протеста: брутальному насилию и незаконной действующей власти противопоставит мирный протест гражданского сообщества.

Вто время как официальные политики ради удержания власти порывают с этосом, разделяемым белорусами как европейской нацией, протестующее гражданское общество продолжает настаивать на своих базовых этических принципах, чтобы в соответствии с ними перестроить политическую жизнь в стране. Именно таким образом -- через солидарную защиту своей формы жизни -- наше гражданское общество формируется и утверждает себя как политический субъект.

**ПОЧЕМУ НИКТО НЕ
МОЖЕТ ПОБЕДИТЬ,
ВСЕ МОГУТ
ПРОИГРАТЬ, А
ВНЕШНИЕ ИГРОКИ
СХОДЯТ СУМА.**

НЕВЫПОЛНИМАЯ ЗАДАЧА?

ОКОНЧАНИЕ
НАЧАЛО НА 1-Й СТР.

Принцип единоначалия

Все ведь просто. В их сознании существует единственно верная модель принятия решений — централизованная. Их власть на ней и базируется. Любое проявление гибкости, любое проявление инициативы ассоциируется в их сознании с

АЛЕКСАНДР ФЕДУТА

расшатыванием этой модели. Значит, победить должна именно предельно жесткая, предельно централизованная модель. И если протесты невозможно задуть, значит, они сильнее и жестче. Значит, они — более централизованы.

Отсюда — невыполнимая задача, которую ставят генералы перед низшими по званию: ищите и ликвидируйте центр.

И та же схема продолжает существовать в сознании представителей «новой оппозиции», упорно плодящих новые и новые «центры принятия решений», «субъектов переговорного процесса» и т.д. Чем больше слов о единстве, тем больше новых структур с непонятными полномочиями, непонятным составом и т.д. Последняя по времени структура подобного рода была провозглашена Павлом Латушко, где — куда ни возьмись — сплошные вакансии. Мол, приходите, занимайте их, и тогда генералам уж точно будет с кем договариваться.

С кем договариваться? С Латушко — как с членом президиума Координационного совета? Или с тем же Латушко — как с руководителем новой структуры, в которой за общение с Координационным советом отвечает Ольга Ковалькова? Или с оргкомитетом по созданию Белорусской христианской демократии, в которой Ковалькова является сопредседателем? Вообще, кто-нибудь понимает, как устроена эта новая оппозиционная «матрешка»? Генералы точно не понимают, поскольку их мозг ориентирован на единоначалие, которое они никак не могут обнаружить.

Ведь белорусские протесты строятся на импровизации. Преградите колонне выход к стене — колонна развернется и отправится гулять в Зеленый Луг. Поставьте там отряды секуторов — у вас не хватит сил заградить путь к Каменной Горке. И так далее.

И прогнозировать, куда именно двинется колонна и в какой момент у нее появится вождь, не может не то что генерал Кубраков, но даже Светлана Тихановская.

А от генералов требуют немедленно найти лидеров, перевербовать их или расправиться с ними.

А лидеров нет.

Разговор с Никем

Лукашенко прав, когда говорит, что вести диалог с улицей невозможно. А лидеров «улицы» его генералы никак не могут вычислить и поймать. Поэтому ему приходится лично приезжать в «американку» и придумывать улице лидера по имени Юра. Того, который готов на диалог.

Но вокруг, а главное — Кремле!!! — не идиоты сидят. Сидят люди, которым нужны гарантии исполнения будущих договоренностей, среди которых главным является — конституционная реформа в Беларуси. Новая конституция будет гарантировать хотя бы какую-то устойчивость власти, основанной на консенсусе политических и экономических элит. А тут всем подсовывают Юру. Тот же Кремль крутит пальцем у виска одной из своих башен и предлагает найти кого-нибудь другого. При этом ни Тихановская, ни Латушко, ни даже Бабарико с Колесниковой на эту роль не подходят — именно потому, что Лукашенко выбил их из процесса управления протестами.

Но кто-то ведь должен быть! Совсем не обязательно.

Собственно говоря, в эту ловушку попали все. Кто, какая политическая сила противостоит Александру Лукашенко? Никто! Так вот поймайте его, и либо уничтожьте, либо усадите за стол переговоров. — Кого?! — А Никого! Пойдите туда — не знаю куда, поймайте того — не знаю кого!

Есть ли выход?

Получается, равноправным субъектом переговорного процесса следует принимать как раз улицу. То есть, тех, кого невозможно пересажать, поголовно

уволить, отчислить, запугать, выловить в чужих квартирах — сколько ты там ни балакай по телевизору. А эти люди уже высказали всего три своих требования.

Прекратить насилие.
Освободить политзаключенных.

Отправить в отставку Александра Лукашенко.

И с этим ничего не поделаешь. «Никто» сформулировал эти требования, но никто не в состоянии их изменить.

Чисто теоретически можно начать исполнять их не в той очередности, на которую все надеются. То есть, вовсе не с отставки Александра Лукашенко.

Просто — прекратить насилие.

Затем сформировать действительно переговорную комиссию из числа лиц, обладающих хотя бы внешней видимостью легитимности с обеих сторон. И в ходе заседаний этой комиссии принять некий регламент будущего круглого стола по обсуждению проекта конституционной реформы и сформулировать гарантии Александру Лукашенко и его семье (возможно — более широкому кругу лиц).

После этого объявляется одновременно об освобождении всех политзаключенных и лично Александра Лукашенко — от занимаемого статуса. С гарантиями. Главная из которых — вплоть до выбора нового президента силовые министры остаются на своих местах.

А дальше, сограждане, — кого выберем.

Захочет Александр Лукашенко соскочить и «открутить» назад? Тогда думайте, батенька, где будет прятаться ваша семья и на каких условиях, если ты обманул таким образом и Россию. Тем паче, что в пакет входят гарантии для твоих же приближенных. И тут уже есть шанс, что не «народец» повяжет, а они сами, кто с тобой обещал быть «до конца», повяжут, осуществив это «нехилое дельце», и свалят на тебя всю ответственность — уже без гарантий.

Рано или поздно мы придем к чему-то такому. Иначе все мы проиграем. С обеих сторон. Вся Беларусь.

Хотелось бы пораньше. Ибо альтернативой этому может быть только введение танков на улицы Минска, арест армией всего белорусского руководства и проведение выборов под присмотром «голубых касок» ООН.

Лично я предпочел бы мирный вариант.

ний ценник типовой двушки должен просесть как минимум на 15 тысяч (на сумму, на которую докредитовывались те, кто отложил покупку в связи со сворачиванием кредитования вторички - именно на такую сумму обычно докредитовывались покупатели). Это минус 250-270 долларов от летних цен. Пока, напомню, рынок «скинул» только 130, читай, 7 тысяч.

Собственно, покупатели, которые не реагируют на политическую обстановку, просто ждут метр в районе 1000-1100 долларов. Рынок же такими темпами сползания цен покажет эти цифры где-то к весне.

ПОКУПАТЕЛИ КВАРТИР — НЕ СКВОРЦЫ: ОСЕНЬЮ УЛЕТЯТ, ВЕСНОЙ НЕ ВЕРНУТСЯ

Третий месяц в Минске почти ничего не продается и не покупается - рынок жилья парализовала политическая ситуация в стране. В октябре и вовсе поставлен антирекорд: заключено меньше 600 сделок с квартирами (средние значения предыдущих лет 1000-1100 сделок в месяц). При этом количество выставленного на продажу жилья неуклонно растет: сейчас в столице пытаются продать более 10 350 квартир.

Рынок таким изобилием обычно не избалован, его «осенняя» норма в прошлые годы была менее 8000. Всем уже ясно, что цены обвалятся, но рынок инертен, и в Минске они «валятся» очень медленно. С августа, когда средняя цена предложения квадратного метра на вторичном рынке достигала 1477 долларов, она снизилась всего на 130 долларов, до 1347.

Сколько реально стоит квадратный метр?

Ответа на этот вопрос нет. На рынке есть и квартиры в убитых хрущевках, и в элитных домах. Например, средняя цена квадратного метра в двухкомнатных квартирах составила в октябре 1230 долларов. Но неизвестно, что в каких пропорциях попало под определение «двухкомнатная квартира», что именно покупали - 43-метровые полуторки в военном городке, стандартные квартиры в панельках на Притыцкого или 90-метровые «двушки» в элитных домах.

На первичном рынке все прозрачней. Цены можно смотреть на сайтах застройщиков, узна-

вать в отделах продаж. Средний ценник за месяц во многих проектах снизился на 100 долларов. Цена квадратного метра полноценной 60-метровой квартиры в большинстве новостроек уже 1050-1150 долларов.

Продажи у застройщиков второй месяц подряд стоят так же, как стоит рынок вторичного жилья. Сделки единичные, когда «ну очень надо пристроить деньги», и цена уже устраивает.

Деньги есть - надежд мало

У потенциальных покупателей есть деньги. За последние месяцы белорусы сняли с вкладов полтора миллиарда долларов. По состоянию на начало октября в банках на депозитах еще более 7 млрд рублей и 6 млрд долларов.

Но люди с деньгами не готовы что-то покупать в Минске просто потому, что не уверены в завтрашнем дне. Никто не гарантирует, что завтра не придется бежать из страны.

Статистика по эмиграции не радует: после выборов Беларусь покинули более 13 тысяч человек. Только в Украину за последние месяцы уехали 1200 айтишников, над релокацией думает весь айти-сектор. Собственно, первые в очереди на старт те, кто снял с депозитов эти полтора миллиарда

Какие прогнозы?

Движение ценника вниз уже заложено экономическим кризисом.

По грубым подсчетам, сред-

но чего ждать весной с точки зрения ситуации в стране, не скажет ни одна гадалка. И глубину дна предсказывать сейчас — дело неблагоприятное. В теории восстановление законности, прекращение давления на бизнес, новые перспективы могут вернуть белорусский средний класс на рынок.

Но не исключен и негативный сценарий: усиление политического кризиса. Те, у кого есть деньги на жилье, уедут, у тех, кто останется, через полгода не будет средств и на покупку метров по себестоимости.

Опасности новостроек

Кризис и отсутствие покупателей бьют по новостройкам. Под вопросом будущее «Минск-Мира». Недавно застройщик остановил строительство всех домов, которые возводились за счет прибыли от проекта. Перенесены сроки сдачи домов, которые строятся за счет средств дольщиков.

Затянувшийся политический кризис может ударить и по проектам А-100. Покупатели Новой Боровой, Зеленой гавани - люди, с доходами гораздо выше среднего. Это предприниматели, топ-менеджмент высокотехнологических компаний, айтишники. Сейчас все они, повторюсь, на низком старте, в процессе выбора вариантов релокации. Скорей, ломают голову над тем, смогут ли продать уже имеющуюся недвижимость в случае отъезда. История с отключением Новой Боровой от воды и отопления только усиливает давление на сомневающийся.

**НАТАЛЬЯ
ЛИТОВСКАЯ,
ЭКСПЕРТ
ПО ЖИЛОЙ
НЕДВИЖИМОСТИ**

